

Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630092, Россия
E-mail: kushenko@fgo.nstu.ru

О ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Цель статьи – предложить один из возможных вариантов подхода к обсуждению фундаментальной проблемы адекватности общественного сознания. Предлагается выделить социально-информационный аспект названной проблемы.

Ключевые слова: адекватность, деятельность, общественное сознание, социальная информация.

Проблема адекватности общественного сознания представляется нам многоуровневой, сложной, требующей четкого определения ракурса рассмотрения и используемого понятийного аппарата. Сложность названной проблемы с очевидностью приводит к необходимости ее аспектного анализа. В данной статье предлагается выделить как один из возможных социально-информационный аспект проблемы адекватности общественного сознания.

В социально-информационном аспекте названную проблему можно представить как проблему соответствия конкретного фрагмента социальной реальности и той социальной информации об этом фрагменте, которая содержится в общественном сознании. Под «соответствием» понимается относительно полное совпадение основных характеристик фрагмента социальной реальности с их отображением в социальной информации. Достижение указанного совпадения становится возможным в процессе социальной деятельности, которая рассматривается нами, вслед за многими исследователями, как общая базовая характеристика и социальной деятельности, и социальной информации [Кущенко, 2007].

Такое методологическое основание позволяет высказать следующее предположение: адекватность общественного сознания можно рассматривать как некий результат социальной деятельности конкретного социального субъекта.

Анализ данного предположения нам представляется в следующем виде. Во-первых, субъект социальной деятельности должен быть конкретным субъектом, действующим в конкретно-исторической ситуации. В частности, конкретным индивидом, или социальной группой, или обществом в целом, действующим в конкретный исторический период с соответствующими этому периоду причинно-следственными связями. Во-вторых, «адекватность как результат» может быть именно «неким» результатом, включающим в себя результаты деятельности всех субъектов – участников анализируемого процесса. В-третьих, адекватность как некая «совокупность» результатов социальной деятельности разных субъектов неизбежно будет в большей степени отображать социальную деятельность того субъекта, который доминирует в данной конкретно-исторической ситуации. Доминирование того или иного субъекта социальной деятельности в конкретно-исторической ситуации, по нашему мнению, – это объективная очевидная данность, которую необходимо учитывать при анализе проблемы адекватности общественного сознания. Общество не может существовать без доминирующего субъекта хотя бы в силу необходимости аппарата управления обществом. Субъект (или группа субъектов), управляющий обществом с помощью аппарата управления, неизбежно будет оказывать большее влияние на тот результат, под которым мы подразумеваем адекватность общественного сознания.

Однако из обозначенных трех пунктов еще не следует вывод о том, что адекватность общественного сознания зависит только от деятельности доминирующего субъекта. Дело в том, что предложенный социально-информационный подход предполагает наличие сложного и длительного процесса превращений социальной информации в общественном сознании, предшествующего появлению того итогового результата, под которым мы подразумеваем адекватность общественного сознания. Этот процесс превращений представляет собой одну из главных трудностей на пути решения фундаментальной проблемы адекватности общественного сознания.

Процессу превращений посвящено множество исследований, в том числе и ряд публикаций автора данной статьи [Кушенко, 2000; 2007; 2008].

В своих публикациях автор настоящей статьи предлагает рассматривать процесс движения к «адекватности как результату» как процесс превращений отдельных свойств социальной информации в силу того, что эти свойства одновременно объединяются и разделяются, взаимопроникают, смещаются друг в друга.

Способ указанных превращений можно представить как процесс создания субъектом новых связей в их различной форме, соответствующих его социальному опыту, приводящий к возникновению новой, превращенной формы, выполняющей функции восполнения и замещения предметов в системе. Эта превращенная форма позволяет воссоздавать, моделировать предмет по его отдельным свойствам, вошедшим в нее. Если иметь в виду наше исследование, то можно выделить два варианта понимания механизма превращений, отмеченных в работах М. К. Мамардашвили [1992] и Т. Н. Брысиной [1993]. В нашем понимании механизма превращений новые связи в превращенной форме не «отсекают» (по Мамардашвили), не «подминают» (по Брысиной) старые связи, но со-существуют с ними, а сам механизм превращений в общественном сознании можно представить следующим образом. В процессе социализации субъекта появляется и соответствующая ей новая социальная информация. При этом старая и новая социальная информация со-существуют вместе, сменяя друг друга в качестве возможной доминанты в общест-

венном сознании. Механизм этой смены доминант и можно, на наш взгляд, рассматривать как одну из сторон механизма превращений. Новую социальную информацию, ставшую либо доминирующей, либо оформленной в виде понятия, в некоторой степени можно считать уже превращенной формой. Поэтому анализ механизма превращений на понятийном уровне будет затруднен постольку, поскольку процесс превращений в понятии уже завершен. Более отчетливо, чем в понятии, механизм превращений социальной информации прослеживается в еще не завершившемся процессе смены доминант

(в еще не оконченном процессе превращений). Этот переходный процесс рассматривается в литературе в различных вариантах, часть из которых можно объединить в два основных, условно обозначенных нами как «жесткий» и «средний».

«Жесткий» вариант механизма превращений можно увидеть, как было сказано выше, у М. К. Мамардашвили. В механизме превращений он выделяет такие случаи, относящиеся к нашему исследованию, когда «под превращенной формой следует понимать не просто видимость, даже самую объективную, которая, казалось бы, доступна просто непосредственному, наивному взгляду, а внутреннюю форму видимости, ее устойчивое и воспроизводящееся ядро, выявление которого на феноменологическом уровне само по себе может быть результатом весьма сложного анализа». Превращенная форма как «внутренняя форма видимости», по Мамардашвили, есть своеобразная скрытая форма, еще не обнаруживающая своего превращенного характера. «Эта особенность превращенной формы, – замечает исследователь, – позволяет получать практически пригодные знания и эффективно моделировать многие стороны предмета до построения целостной содержательной теории этого предмета» [Мамардашвили, 1992. С. 274–275]. При подобном понимании превращенной формы она может способствовать моделированию, воссозданию многих сторон предмета по его отдельным свойствам, попавшим в эту превращенную форму как «внутреннюю форму видимости». В таком моделировании необходимо учитывать то, что превращенная форма «есть качественно новое, вполне дискретное явление, в котором посредствующие промежуточные

звенья “сжались” в особый функциональный орган, обладающий уже своей квазисубстанциональностью (и соответственно новой последовательностью акциденций, часто обратной действительной)» [Там же. С. 275]. Как видим, превращенная форма представлена одной из первоначальных, внутренних форм качественно нового предмета, уже выполняющей определенные функции. По Мамардашвили, это функции восполнения и замещения предметов в системе. Механизм превращений, который мы условно назвали «жестким», М. К. Мамардашвили представляет так: «Структуру превращений, и тем самым и структуру того квазипредмета, каким является превращенная форма, можно представить в виде следующей последовательности: выключение отношений из связей – восполнение его – восполнение его иной предметностью и свойствами – синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием. Иными словами, превращенные формы регулируют систему путем восполнения отсеченных ее звеньев и опосредований, замещая их новым отношением, которое и обеспечивает “жизнь” системы» [Там же. С. 275]. Такой механизм превращений, как видим, предполагает регулирование системы через «отсечение ее звеньев и опосредований» с последующим их замещением, что и позволило нам обозначить его как «жесткий» механизм.

Несколько иной вариант механизма превращений можно увидеть у Т. Н. Брысиной. Анализируя процесс перерождения духовности, она отмечает: «Критерием... перерождения выступает иерархичность структуры духовности, где непременно выделяется какой-либо господствующий элемент. Будучи зависимым от внешних обстоятельств, он, в свою очередь, подминает под себя другие, лишая их возможности самостоятельного бытования, диктуя им форму выражения и направленность развития» [1993. С. 71–72]. Как видим, в процессе перерождения (т. е., в определенном смысле, превращения) выделяется «господствующий элемент» (доминанта), который не «отсекает», не «выключает отношения из связей», а «подминает под себя другие», «диктует» им форму выражения и направленность развития. Процесс перерождения (превращение) предстает в данном случае как процесс смены «господствующих элементов» (доминант), в ко-

тором ставшие негосподствующими элементы не «отсекаются», а сохраняются, но уже лишены возможности самостоятельного бытования, что и позволяет обозначить этот вариант механизма превращений как менее жесткий, «средний» (поскольку некий «диктат» в нем все же присутствует).

Оба этих варианта механизма превращений, на наш взгляд, можно представить как отображающие разные стороны одного и того же процесса превращений. Некоторое различие рассмотренных вариантов можно увидеть в том, что М. К. Мамардашвили делает акцент на его внутренней стороне, а Т. Н. Брысина – на внешней. Очевидно, что оба варианта могут взаимодополнять друг друга. Однако возможен и третий вариант интерпретации механизма превращений – «мягкий», который представим так. Если превращения происходят в сознании субъекта, то они неизбежно несут в себе свойства данного субъекта, выраженные в той или иной степени. Поэтому процесс превращений может быть в некоторой степени зависимым как от внешнего, так и от внутреннего мира субъекта. В таком случае жесткую линейную зависимость в процессе превращений, представленную М. К. Мамардашвили, можно считать не единственной, а одной из возможных форм зависимостей в данном процессе, наряду с которой возможны и не-линейные (не локальные) процессы, в том числе встречно-направленные метаморфозы (по Э. В. Ильенкову), где «отсечение» не всегда возможно в силу их всеобщего, не локального характера. Точно так же, т. е. как не единственный, можно рассматривать и вариант «диктата» доминанты, представленный Т. Н. Брысиной. В сознании субъекта ставшие негосподствующими элементы не обязательно бывают лишены возможности самостоятельного бытования. Эти элементы вполне могут остаться самостоятельными, но сфера их бытования значительно уменьшится. Другими словами, в сознании субъекта превращенные формы, содержащие в себе качественно новое, могут не только «отсекать» или «подминать» старые формы, но и сосуществовать с ними как равнозначные для данного субъекта. Такой вариант механизма превращений мы и понимаем как «мягкий» вариант.

Согласно диалектической традиции, новая, т. е. превращенная, форма не есть толь-

ко новая, она одновременно выступает и как «новая», и как «старая». Особенно хорошо это видно в самом процессе превращения, результатом которого может стать новая форма. Речь идет о том, что «старая» форма в процессе превращения может не только исчезнуть, превратившись в новую форму, но и сохраниться в памяти субъекта в неизменном старом виде. Старая форма может существовать в разных видах, в частности, в виде «старого понятия», сохраняющегося в памяти субъекта. «Старое» и «новое» в таком случае получают относительный, условный характер. Для различения «старого» и «нового» процесс превращений необходимо рассматривать в динамике, а не в статике. Старая форма (в различных ее вариантах) доминирует в начале переходного процесса превращений, потом может наступить момент равновесия нового и старого, от которого возможен возврат к старому (под влиянием разных причин). Если этого не происходит и имеются соответствующие предпосылки, то новое постепенно обретает собственную, новую форму, превращается в «господствующий элемент» сознания в определенном его (сознания) фрагменте. В качестве предпосылок, определяющих указанную динамику процесса превращений, выступают бесконечно разнообразные явления и процессы, происходящие во внутреннем и внешнем мире субъекта.

Принципиально важным мы считаем то, что старое в этом процессе превращений не исчезает, не отсекается, не теряет полностью возможность самостоятельного бытования, а продолжает это существование, но уже в более ограниченной сфере или не в качестве доминанты. Косвенным подтверждением того, что старое не исчезает, а продолжает самостоятельно бытовать, служит такое явление, которое иногда называют «пережитками прошлого» в сознании людей. В переходные периоды зачастую появляются как бы неожиданно, спонтанно, такие формы сознания, которые до этого себя либо не проявляли совсем, либо проявляли очень слабо. Но стоит только «уйти» старой доминанте, как появляется множество претендентов на ее место. После того как место лидера занимает новая доминанта, проигравшие претенденты снова уходят на второй план в ожидании благоприятного для себя момента. С этой точки зрения «борьба с пережитками прошлого» в созна-

нии людей лишена всякого смысла. «Пережитки» и «не-пережитки» сосуществуют в сознании субъекта как равнозначные элементы, ожидающие своей востребованности. В этом смысле еще раз подчеркнем безграничность сознания субъекта, которое может вмещать в себя бесконечное число элементов и не испытывать потребности в «отсечении», «изъятии» некоторых из них. Устаревшие или ненужные в данный момент формы просто перемещаются субъектом в своеобразный «архив», превращаются им в особые, «архивированные» формы и используются уже в таком особом, «архивированном», «сжатом» виде с соответствующим «сжатием» старых связей этой формы. Этот «архивированный» вид отдельных элементов сознания субъекта мы называем социально-смысловым единством или, что то же самое в нашем представлении, внерациональным.

Это «внерациональное» может стать доминантой в любой момент, если такой момент будет способствовать удовлетворению тех социальных потребностей, социальных ожиданий, которые заключены во «внерациональном» в целом или в одном или нескольких его фрагментах и не были удовлетворены до этого момента.

Предложенный вариант подхода к обсуждению проблемы адекватности общественного сознания через социально-информационные превращения позволяет представить указанную проблему как диалектически противоречивое единство объективных и субъективных процессов, происходящих в общественном сознании в каждый конкретно-исторический момент.

Список литературы

- Брысина Т. Н.* Сознание в современном мире. Саратов, 1993. 280 с.
- Куценко С. В.* Социально-информационный аспект проблемы соотношения рационального и внерационального в общественном сознании (философско-методологический анализ). Новосибирск: Изд-во СО РАН; Изд-во НГТУ, 2007. 248 с.
- Куценко С. В.* Механизм превращений в общественном сознании // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 2000. № 1. С. 16–20.

Кущенко С. В. Соотношение рационального и иррационального в общественном сознании как оператор смещений и превращений (к постановке проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 43–47.

Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Изд. группа «Прогресс»; Культура, 1992. 415 с.

Материал поступил в редколлегию 11.01.2011

S. V. Kuschenko

ABOUT PROBLEM OF ADEQUACY OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

The purpose of the article is to offer an approach towards the analysis of a fundamental problem – that of the adequacy of public consciousness. The author proposes to single out the social information aspect of this problem.

Keywords: adequacy, activity, public consciousness, social information.